Still working for Lavrov 1900?

?V

Dear Vera

I was very moved by your dear letter. I even felt a little guilty, that I made you worry. I am now almost well. 4 mins I go out, I work.

The doctor says in about 8-10 days I will be completely well., and even now I can say I am, but just in case it does not hurt to be careful.

And come to you there is no ~~place~~ way and even to dream about it is impossible. Beside, the money situation is very complicated (to borrow from one, and to pay the other) and to add to it - during these 2 weeks so much important work has piled up for P.L., that I don't know how I will manage to do it.

In spite of his 75 years he regulon ~~goes~~ to works every day, from 7 - 11½ in the morning, he writes till 10½ hr.

He finished the book

which is already in print.

And he did not rest at all. Right away, he started new work. I am sorry you don't know him.

for your comparison with artists and „kochas" seems to me a little artificial.

A propos, about the children. I wanted a few times to ask you to write about your children. You never, never mention them. I would like to know, ~~how the~~ what they are like. They are such a large part of your life, and by not mentioning them, you don't mention the large part of your life. ? when he was here talked to me a lot about them and was very impressed with them. It is funny, that when I come I will find them as total strangers. By the way we might get together with him soon

If I would make for myself a dead line

How many dead lives I already made for myself. How many terms to get to Russia. And never the time comes trough.

It is lonely, Vera. I discovered a new element of my mood. This is not loneliness

it is not depression, because nothing presses the heart, not apethy because there is will to work, not grief because nothing cries inside. This is, oh it is terrible to say, this is old age creeping up.

But enough, I ~~to~~ hugg you my dear and nice. Regards to the children

Your ...

ся, если только мы скучаем его вернуть.

„Спасибо за напоминание обо мне". Сколько зим и красной нашей! Сколько страданий нашей! И для молодежи из России Михайло напоминает страдальца. И пожалуй для нашей вскрытой мало мы чувствуем, но и экспрессивно, что завидуем гимназии нашей.

Скучно, Вера. Я откровенно признаюсь: это не скука, потому, что нет стремления к веселью и внекарнавальной; это не тоска потому что ничего не нужно — и не знаю и сердце не стынет; это не апатия, потому, что мечтаю и хочется работать, это не грусть, потому что ничто не мелькает в душе. Это... он, страшно вымолвить! это старчество, только наоборот.

Ну, довольно. Обнимаю вас, мои дорогая и милая. Целую Ваш Сашок.

Ваш Сашок

1902 г.

Дорогая Вера.

Меня очень трогает ваше горе, письмо, даже кашицу сварили сегодня, что я вперед ваш. И теперь уже почти здоров: т. е. выхожу, работаю, только еще приходится беречь и по ночам кашлять сами начинаются. Доктор говорит, что дней через 8–10 я буду совершенно здоров и даже теперь могу себя считать таковым, только по всякий случай не начинать покашливать это время.

А к вам приехать, теперь некуда! и мечтать нечего. Помимо того, что запущенные Женькины дела (собирать у одного деньги и другому отдать) не позволяют уехать, у меня за три с лишним недели столько образовалось дел П. Л., что не знаю, как и справиться с ним. Вот уже неделю работаю. Не стоит на сем [illegible], он регулярно

каждый день работает от 7 до 11½ ч. утра, не спеша, конечно много, кто он начнет ужинать день до 10½ ч. гуляет. Видит 2 т.к. он закончил книгу: „В. накануне переписывает в последнее время", которая уже печатается. И даже они не переживут, спорит. Сейчас же будет за новую работу. Жаль, что вы его не знаете.

Ваше сравнение со стихотворением „каналы" мне показалось немножко фальшивым. Сколько этот художник умеет рисовать, понимает, только пародия — этого совсем бы не существовало. А умеет проникать в душу и передать нашим языком не очень тонкие и глубокие движения — вещь очень большая и очень трудная. Еще больше трудная, когда писать

для народа. Вспомните, что у нас и итти и не было ни одного выдающегося писателя для детей и для народа. А сколько было попыток!

Кстати, о детях. Я уже несколько раз хотел просить вас написать мне о вашей дочке. Вы никогда, никогда о ней не упоминаете, не только не пишете. Мне хотелось бы знать какие они, что они обещают и насколько вы знаете мир. Вы бы составили и сделали бы библиографию вашей жизни и если вы о них не упоминаете, вы не упоминаете о самой большой стороне вашей жизни. Ритуся, бывало, много рассказывала мне о них и восторгалась ими. Как-то странно, что когда приеду, найду вас совершенно глухими. Впрочем, мы с ними, вероятно, скоро сойдем